

Александр Марков

Пальмы Сиона

42 этюда об экфрасисе в поэзии

Издательские решения

По лицензии Ridero

2016

УДК 39
ББК 71
М26

Марков Александр
М26 Пальмы Сиона : 42 этюда об экфрасисе в поэзии. — [б. м.] :
Издательские решения, 2016. — 166 с. — ISBN 978-5-4474-7555-0

В книгу вошли этюды по эстетике живописных образов в классической и современной поэзии. Экфрасис рассматривается как вершина выразительности в европейском словесном искусстве, и влияние экфрасиса трактуется как особая логика решения художественных задач.

УДК 39
ББК 71

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Тропа в поэзии

Слово «тропа» в поэзии, в том числе в поэзии русского модернизма, чаще всего употребляется в привычном смысле узкой дороги в горах, по крутым склонам, оврагам, в пещеру или из пещеры. Но реже, но всё равно значительное число раз слово «тропа» получает особый смысл, дороги, по которой могут идти все, где это слово близко слову «судьба». Если тропа в первом значении, вписывающемся в эстетику возвышенного, доступна немногим, то тропа, принадлежащая скорее эстетике прекрасного, предназначена для многих, если не для всех. Но это второе значение прошло три этапа развития.

У символистов такая тропа — просто путь, по которому идут все, идет толпа, идет каждый. Это как судьба, которую человек разделяет со всеми другими смертными, даже если его шаг отличается от шага его соседа. Когда Брюсов пишет: «Тому, кто жизненной тропой... Бредет по знойной мостовой». (В магическом саду, 1895) — ясно, что здесь мог бы оказаться каждый на месте, а вовсе не только исключительная личность. Когда «Орфей растерзанный» (1904) Вяч. Иванова говорит: «Не пройду спасительной тропой», то не о том сказано, что тропа спасения узка, — но что она единственная, другой нет; это не дорога, с которой можно свернуть. По спасительной тропе должны идти все и каждый, и только исключительная личность не идет по ней. В строках Брюсова «И дальше тропой неизбежной, / Сквозь годы и бедствий и смут» (Век за веком, 1907) — тропа просто означает тяжелую дорогу: не важно, в горах она или на долине, — она неизбежна.

Оры у Брюсова в одноименном стихотворении (1906), иначе говоря, часы (или годы), движутся «скользя тропой

столетий» — и даже если мы представим, что столетия соединены тонкой связью, потому что между ними мало общего, то ведь вся проходящая через столетия тропа окажется узкой, и просто сами «столетия» оказываются суровым испытанием. Равно как и Война в одноименном стихотворении Брюсова (1905) движется той же тропой: «Проходишь ты тропой веков» — сами века, испытанные войной, испытывают свою возможность остановить войну. Когда у Брюсова «Орфей и Эвридика» (1903) говорят:

Мы идем тропой мятежной,
К жизни мертвенной тропой.

— то конечно же, видна не только тропа в загробное царство, но скорее тропа самого загробного царства: не путь в расселинах, но самый тесный путь, которым становится само время жизни. «Века пробив тропой любви» (Паломничество в века, 1920) у него означает, что любовь оказывается дорогой для всех; и именно она тождественна жизни, которая переживает века. В сменившей символизм лирике слово «тропа», сохранив значение доступного любому человеку пути, безличной судьбы, фактически стало урезанной версией штампа «тропа воспоминаний». Когда М. Кузмин пишет в «Мадригале» (1908): «Смотри: звезда с звездой / Одной идут тропой (...) Не так же ль нам идти с тобой / Одной известною тропой?» — то кроме того, что такой тропой может идти любая пара звезд, понятно, что звезды навевают и хранят воспоминания, а тропа и становится известна всем благодаря памяти. Или его же из «Волхвов» (1913): «За звездой изумрудной / Тайной все идем тропой» — кроме доступности тропы для всех, мудрецов и простецов, взгляд заострен на том, что само путешествие волхвов, а не только сцены и события Рождества памятливы. В этой лирике возникают выражения выражения как «обыденной тропой» — у Кома-

ровского (*La cruche cassée*, 1913) — что совсем уже далеко от горной экзотики тропы. Или когда Мандельштам пишет: *Иду змеиною тропой, / И в сердце темная обида.* («Как овцы, жалкою толпой...», 1914) — то это считается однозначно: память язвит воспоминаниями, и этим воспоминаниям бессильно противостоять даже сердце.

Наконец, у футуристов тропа обретает однозначный смысл — это след. Это уже не воспоминание, а скорее то, что наводит на воспоминания. Тропа упрощается и материализуется, но при этом выпадает из бытовых ситуаций и образует общий выход из них для всех. «И луна намечает золотую тропу», — пишет Игорь Северянин (*Поэза маленькой дачи*, 1915) — тем самым говоря, что свет луны не столько памятен, сколько впервые намечен, еще предан памяти. Или когда Николай Бурлюк (брат Давида) слагает: «В гербариях полных лиц / Твою тропу ищу бессилён / На улицах пустых столиц» («В глубоких снах. Меня прельстила...», 1914) — то эта образность не может быть считана иначе, чем однозначно: нашел на след, нащупал или взял след. И Маяковский, заявляя: «А потом / топырили / глаза-тарелины в длинную / фамилий / и званий тропу.» (*Хорошо*, 1927) — сводит список к хождению по следу, который и выпирает как пережиток прошлого. Узкий почерк списка напоминает тропу, но в эту тропу можно только впялиться, ища знакомые признаки, взять след, но не пройти по ней. И когда, наконец, у Мандельштама «Миллионы убитых задешево / Протоптали тропу в пустоте (Стихи о неизвестном солдате, 1937) — то тропа оказывается и следом смертей, и единственной формой памяти об умерших. Так завершилось развития значений «тропы»: от общей судьбы, которую все должны повторить, через представление о воспоминаниях как об общем достоянии человечества, к неповторимой судьбе жертв, столь же общей судьбе для миллионов жертв, но которую невозможно повторить

даже в памяти.

Мы предполагаем, что такие смещения в значении слова прежде всего предопределены изменениями в архитектуре парков и изменениями в восприятии самих парков. В регулярном парке все тропы являются общими дорогами, при этом сам парк является вознесенным над обыденной жизнью, местом исключительным. Тогда и получается, что исключительность судьбы доступна всем. Но если мы представим заросший парк, который не весь просматривается, в котором есть опасные места, куда лучше не ходить, то тропа и будет тропой воспоминаний: любое прохождение по парку требует напряжения, требует всегда чувствовать, где ходить можно, а где ходить нельзя, где парк, а где заросший парк. Отличие парка от уже-не-парка и оказывается моделью, при которой воспоминания возникают не от вещей и ассоциаций, но и от самого строения парка, который помнит о себе, даже если не остается таким, как прежде. Наконец, если мы представим парк, через который открыт сквозной проход, то здесь уже все будут идти через сквозной проход по чужому и собственному следу, который может не запоминаться именно потому, что при сквозном движении структура парка никогда не будет видна, она исчезнет из виду, в отличие от той прогулки по парку, которая только и открывает различные виды.

Оглавление

Предисловие	3
Пальмы Сиона	4
Августин, Мандельштам и живопись	8
Философия зайца Владимира Соловьева	13
Журавль и приятное место	17
Елена Шварц и Рембрандт	20
Ньютоновское пространство Аверинцева	24
Скрытые экфрасисы ренессансного философа	27
Апология слова Анны Глазовой	31
Экфрасисы «Пенсии» Ильенена: здесь-бытие пола ..	34
Булгаков — ницшеанец	40
Пастораль Евгении Суслевой	45
Кручковский и Гельдерлин	48
Экфрасис ассамбляжа: Полина Барскова о Курте Швитгерсе	52
За-поэтика Ростислава Амелина	56
Вымысел как мужество	60
И грубых рифм короткие поленья	64
Еще об экфрасисах Марии Степановой	69
Смысл жизни сентябрьской голубятни	73
Шмитт и Лоренцетти	79
Неизвестный солдат и Ломоносов	85
Жюль Лафорг. Эстетика	89
Якопо Саннадзаро и его экфрасис	91
Строци и Пизанелло	95
Абсолютная поэзия Кривулина	100
Вс. Петров и Ватто	103
Тициан и Комаровский	106
Тропа в поэзии	109
Концерт на вокзале	113

Сократ и Алкивиад, Анненский и Бальмонт	116
Триумфы пастернаковского «Августа»	119
Двойные «Времена года» Михаила Еремина	122
Как Серафим у Боттичини	125
М. Л. Гаспаров переводит Т. В. Васильеву: эпидектическое красноречие под вопросом	128
Почему Ла Тур	133
Елена Шварц и Филострат	135
Павловск Головина в традиции русской лирики	138
Каплинский, Пиранези и математика	142
Улыбнись, ягненок гневный	146
Лаокооны Александры Цибули	150
Фотопэтика Артема Верле	153
Родина света Екатерины Соколовой	155
Возраст толкования	159